

*Солодянкина О.Ю., профессор
кафедры истории и философии
Череповецкого государственного университета*

КАЗУСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ: НОВАЯ ГУБЕРНИЯ, НОВЫЕ ГЕРОИ, НОВЫЕ ИНОСТРАНЦЫ И НОВЫЕ КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Вопросы идентичности, всплеск интереса к которым мы наблюдаем в современных гуманитарных науках, тесно связаны с коммеморациями, поскольку коммеморативные практики помогают реализовывать стратегии формирования идентичности¹. В данном исследовании мы сосредоточимся на процессах микроисторических, связанных с проблемами идентичности жителей новой, образовавшейся в 1918 году, губернии – потерей прежней идентичности, поиском и обретением новой идентичности людьми, неожиданно оказавшимися иностранцами, выстраиванием коммеморативных практик с формированием посмертной мученической идентичности тех, кто официально стал героями новой власти.

В 1918 г. из пяти северо-восточных уездов бывшей Новгородской губернии (Череповецкого, Устюженского, Тихвинского, Кирилловского и Белозерского) оформилась новая губерния – Череповецкая, а Череповец, небольшой уездный город, первый и единственный раз в своей истории возвысил свой статус, став городом губернским. У части проживающих в губернии людей возникли проблемы идентичности в связи с тем, что они родились на той территории, которая в новой геополитической реальности стала частью государств-лимитрофов, образовавшихся после распада Российской империи. Они должны были определиться, являются ли они гражданами советского государства, или же рассчитывают получить гражданство вновь образовавшихся государств. Уроженцы Латвии, Литвы, Эстонии, Финляндии и Польши могли попросить гражданства этих стран и стать опантами. В условиях гражданской войны и определенного административного хаоса можно было на словах называть себя иностранцем и получить вид на жительство иностранца. После окончания активных военных действий в европейской части России местные власти стали осуществлять контроль за находящимися в их административных образованиях иностранцами. И теперь в любом случае (формальное оформление иностранного гражданства или заявительный статус иностранца без получения гражданства) требовалось оформить надлежащие документы и заполнить анкеты. Вот содержание целого ряда пунктов стандартной анкеты и представляет несомненный интерес для исследователя.

Как бывшим жителям Российской империи было определять свою новую идентичность? По языку? По конфессиональной принадлежности? По родителям?

Маргарита Ивановна Вейнберг, родившаяся в 1894 г. в Юрьевском уезде Лифляндской губернии, на вопросы анкеты отвечала весьма своеобразно. «Гражданка какой страны – Лифляндия. Национальность – отец немец русского подданства»². Родным языком ее был немецкий. Поскольку Юрьев стал эстонским городом Тарту, М.И. Вейнберг приняла эстонское гражданство, но оставалась в нем недолго. Ее служба в Советской России складывалась удачно, она была образованной женщиной, служила в системе народного просвещения, затем счетоводом, и, судя по специальной справке, «в контрреволюции не была замечена»³. В Эстонии у Маргариты были мать, две сестры и брат, но она не вела с ними переписки, о чем сообщила, когда в 1923 г. писала заявление об отказе от эстонского гражданства и желании стать, как она выразилась, «русской

подданной»⁴. Маргариту не останавливало даже то обстоятельство, что в апреле 1923 г. ее осудили на 4 месяца принудительных работ за распространение ложных слухов⁵.

Каролина-Эльза-Людмила Сяга, родившаяся в Риге в 1879 г., с трудом могла вразумительно ответить на вопросы анкеты. Сначала она написала о своем «митавском подданстве»⁶, затем сообщила, что она гражданка «Прибалтийского края», по национальности немка, оказавшаяся в России в 1915 г. «по случаю эвакуации». Домохозяйка Сяга, живущая на средства мужа, немка по языку, не возбуждала вопрос о принятии латвийского гражданства, считая свой иностранный статус абсолютно естественным и необсуждаемым. Однако с точки зрения властей иностранного гражданства у нее не было, и ее вид на жительство иностранца был аннулирован в декабре 1922 г.⁷ Только после длительных хлопот Сяге удалось уехать на Родину, в Латвию⁸.

Франц Фердинандович Инглик, в 1880 г. родившийся в польском городке Сосновицы, указал в графе «гражданин какой страны» – Петраковская губерния, а национальность – католик⁹. Его родным языком был польский.

Проблемы возникали не только у уроженцев территорий бывшей Российской империи, отделившихся от нее, но и у людей, родившихся в странах, исчезнувших в результате первой мировой войны, – прежде всего, Австро-Венгрии. Так, Александра Георгиевна Рейтер, пожилая вдова-домохозяйка, уроженка Мекленбург-Шверина, живущая в России с 1886 г., заявляла о своем австрийском подданстве, но не могла доказать его из-за отсутствия австрийского паспорта¹⁰. Мария Витэк, родившаяся в 1889 г. в Моравии, тогда входившей в состав Австро-Венгрии, в России называла себя австрийской гражданкой. В Россию она прибыла в июне 1914 г., занималась домашним хозяйством. В 1918 г. у нее были шестилетний сын Иван и месячная дочь Ольга¹¹. Иностраный статус Витэк никто не подвергал сомнению до 1923 г., когда выяснилось, что австрийского паспорта у нее нет, а чехословацкое гражданство после образования в 1918 г. Чехословацкой республики она не принимала¹².

Проблемы были и у детей, появившихся в смешанных браках. Так, Анна Ивановна Швейнгрубер, 29-летняя крестьянка, заявила, что она по национальности русская, а по гражданству швейцарка, так как дочь швейцарского гражданина, хотя и родилась в России. Но доказывать свой иностранный статус А.И. Швейнгрубер не имела никакой возможности: у нее не было швейцарского паспорта и вообще она была до такой степени неграмотной, что даже не могла самостоятельно расписываться в документах¹³.

Проблемы идентичности приводили к изменениям в звучании и / или написании имени и фамилии. Так, национальность Маргариты Ивановны Вейнберг определили как «немка» и имя записали на немецкий лад «Маргарета Иогановна»¹⁴. Проблемы с фамилией возникли и у Марии Францевны-Эдуардовны (так в документе – *О.С.*) Витэк. На чешский манер в некоторых документах ее называли Витковой¹⁵ (поскольку там принято образовывать фамилию жены, прибавляя к мужниной фамилии – видимо, Витек (или Витэк), надлежащий суффикс), а в других – Витэк. Поиски идентичности могли привести к желанию поменять фамилию на более яркую, неординарную. Франц Инглик решил сменить фамилию на более звучную и стал Люксембургским. Франц Фердинандович Люксембургский! Это действительно было ярко и звонко, почти как у опереточного персонажа! Целый ряд документов подписан именно так¹⁶. Однако затем произошло возвращение к «скучному», но менее броскому, неприметному варианту фамилии – Инглик.

Новое время потребовало новых героев. Места захоронения, будучи местами памяти, традиционно служили средствами поддержания определенной идеи, являлись частью коммеморативных практик (если рассматривать коммеморацию как сознательный акт передачи мировоззренчески значимой информации о прошлом путем увековечивания определенных лиц и событий). Почетные жители города рассчитывали, что будут захоронены на лучшем участке кладбища, находившегося, естественно, в стороне от жилых кварталов. Но новая власть меняла места памяти и традицию коммеморативных

практик. В самом центре города, на Соборной площади, рядом с собором, где собственно и возникло первое поселение, послужившее началом будущему городу Череповцу, начинает формироваться кладбище жертв революции – новое место памяти, мемориал новой власти (Соборная площадь в связи с этим была переименована в площадь Жертв Революции). В самом Череповце не было революционных боев, не было актов «белого» террора, но мученики революции – важная часть формирующейся новой идеологии, инструмент легитимации большевистской власти. Поэтому в Череповец привозили тела тех местных жителей, кто погиб в боях гражданской войны. Конечно, не всех, но только тех коммунистов, кто уходил на фронт по призыву партийной организации и на фронте становился политработником, комиссаром. Кто эти новые герои? Владимир Яковлевич Королев (1886–1920), закончивший Псковскую учительскую семинарию, местный учитель, направленный на партийную работу в Череповец. В сентябре 1918 г. его избрали первым председателем Череповецкого губернского комитета РКП (б). Он – один из организаторов губернского военного комиссариата и местной комсомольской организации, активист, несмотря на болезнь сердца. В апреле 1919 г., следуя призыву партии, Королев добровольцем отправился на колчаковский фронт, где стал военным комиссаром 24-й стрелковой дивизии. Когда части дивизии перебросили на Южный фронт, Королев возглавил политотдел отдельной группы войск 13-й армии¹⁷. Погиб в ночь с 16 на 17 июня 1920 г. в селе Веселом, под Мелитополем¹⁸; его останки доставили для захоронения в Череповец. Другой активный коммунист, А.И. Петраков, первый губернский комиссар продовольствия, на Восточном фронте был комиссаром стрелкового полка, прошел с ним от Глазова до Омска. Он скончался от сыпного тифа 2 января 1920 г.; прах был также перевезен в Череповец¹⁹. Филипп Григорьевич Леднев (1891–1919), заведующий общественным питанием Череповецкого уисполкома, член продотряда, на Петроградском фронте был комиссаром полка и погиб 8 августа 1919 г. в тяжелом бою под Ямбургом²⁰. Его останки привезли в Череповец для торжественного захоронения. Под Ямбургом получил два ранения другой череповчанин, А.Н. Коробов. Освобожденный от службы в армии по состоянию здоровья, он добровольцем отправился на деникинский фронт, сформировав кавалерийский дивизион, а вскоре возглавил кавалерийскую бригаду. Коробов погиб в боях на Северном Кавказе, но прах его был привезен в Череповец²¹. Леонид Алексеевич Буйлов (1889–1919), уроженец Череповца, после окончания Московского коммерческого училища служил в инженерных войсках; во время первой мировой войны дослужился до звания штабс-капитана. После революции вступил в Красную армию, а в 1918 г. – в партию большевиков. На колчаковском фронте Буйлов командовал батальоном, погиб осенью 1919 г.²² Рядом с Буйловым был похоронен другой погибший на колчаковском фронте, Михаил Печорин, по профессии учитель, также в прошлом офицер царской армии, добровольцем ушедший на фронт. В тяжелый момент боя, когда погиб командир роты, М.Т. Печорин принял командование на себя и не покинул окопы даже после тяжелого ранения. Похороны Печорина проходили, как отмечала местная пресса, при большом стечении народа, а в местной газете были опубликованы посвященные ему стихи: «Вечная память и слава герою, // Павшему честно в кровавой борьбе, // Правду понявшему чуткой душою, // Вечная память тебе. // Грудью ты встал за рабочее дело, // Против зверей, угнетавших народ. // Отдал за братьев и душу и тело, // Знай же, что имя твое не умрет»²³. Торжественные похороны при большом стечении народа, стихи, в которых не отражены никакие индивидуальные черты героя, но создается образ озверевшего врага и провозглашается вечная память павшим – все это были составные части новых коммеморативных практик, призванных запечатлеть коммунистических героев страны и утвердить новую, коммунистическую идеологию.

Когда закончились бои гражданской войны, кладбище жертв революции продолжило пополняться: составной частью идеологической системы была концепция о том, что «в жизни всегда есть место подвигу». Следующими героями стали участники подавления Кронштадтского мятежа, К.Н. Харламов и М.Ф. Сиротов. В начале марта 1921

г. группа из 12 ответственных партийных работников была направлена из Череповца в Петроград. Харламов на тот момент заведовал губернским отделом коммунального хозяйства, а Сиротов – городским отделом коммунального хозяйства. Во время штурма Кронштадта Харламов командовал батальоном и одним из первых ворвался на укрепления острова, но тут же был убит. Похороны Харламова стали грандиозной акцией. Как писал впоследствии в своих мемуарах П.Л. Павловцев, активный участник коммунистического строительства в Череповце, «в солнечный день начинающейся весны тысячи череповчан собрались на траурном митинге на площади Жертв Революции. На этом митинге была зачитана телеграмма из Петрограда о том, что от тяжелых ран умер в госпитале и М.Ф. Сиротов. Позднее он также с почестями был похоронен на площади Жертв Революции»²⁴. Тысячи пришедших проститься с погибшим – явное преувеличение, ведь все население города не превышало 15 тысяч человек. Но все остальные составные части советского праздника прощания с героем переданы весьма убедительно: шествие с гробом, траурный митинг, зачитывание телеграммы, торжественное захоронение. Отметим и эмоциональность действия.

Мы отчетливо видим, что сложился определенный ритуал прощания с героем, воспроизводимый снова и снова. Несомненно, такие коммеморации использовались для репрезентаций коллективной революционной памяти и выражения политической солидарности²⁵; таким образом складывался новый героический нарратив, соединяющий скорбь и торжество, использующий методы старого религиозного нарратива почитания мучеников.

Аналогично с процессами наведения порядка в деле контроля за иностранцами, в первой половине 1920-х годов городские власти обратили внимание на выяснение того, кто же в итоге оказался захороненным на вновь созданном месте памяти – кладбище жертв революции. Была составлена информационная справка – «Краткая биография т.г. покоящихся на коммунистическом кладбище»²⁶. Выяснилось, например, что среди похороненных уже после окончания гражданской войны – товарищ Любославский, уполномоченный Губпродкома, командированный для сбора продналога, погибший при весьма неоднозначных обстоятельствах. В соответствии с информационной справкой, в середине октября 1922 г. он был убит в Устюженском уезде «при аресте пьянствовавших членов Партии местных ответственных работников»²⁷. Конечно, сам Любославский был типичным мучеником в борьбе за дело социализма (его сначала тяжело ранили, а утром добились еще одним выстрелом), но ведь он погиб не на колчаковском или деникинском фронте, а от рук пьянствующих однопартийцев, поэтому его биография не «вписывалась» в формирующийся мартиролог героев-коммунистов. Неслучайно впоследствии имя Любославского не фигурировало среди тех героев революции, кто похоронен на мемориальном кладбище.

Эти конкретные казусы идентичности во вновь образованной Череповецкой губернии позволяют нам увидеть, как на микроисторическом уровне после грандиозных событий 1917 г. происходил разрыв с прошлым и выстраивание структур нового, советского общества.

---

¹ См. подробнее: Романовская Е.В., Фоменко Н.Л. Идентичность и коммеморация // Власть. 2015. № 7. С. 81-84; Тихонов В.В. Революция 1917 года в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // Российская история. 2017. № 2. С. 92-112.

² Череповецкий центр хранения документации. Ф. 20. Оп. 2. Д. 21. Л. 4.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 17.

⁵ Там же. Л. 15 об.

⁶ Там же. Д. 35. Л. 1 об.

-
- ⁷ Там же. Л. 4.
- ⁸ Там же. Л. 1.
- ⁹ Там же. Д. 25. Л. 3.
- ¹⁰ Там же. Д. 11. Л. 4, 9, 18 об.
- ¹¹ Там же. Д. 1. Л. 6.
- ¹² Там же. Л. 3.
- ¹³ Там же. Д. 16. Л. 3, 7.
- ¹⁴ Там же. Д. 21. Л. 6.
- ¹⁵ Там же. Д. 1. Л. 6.
- ¹⁶ Там же. Д. 95. Л. 3, 4.
- ¹⁷ Павловцев П.Л. Полвека назад: Воспоминания участника революционных событий. Вологда: Северо-Западное книжное изд-во, 1968. С. 188.
- ¹⁸ Там же. С. 153.
- ¹⁹ Там же. С. 154.
- ²⁰ Там же. С. 175.
- ²¹ Там же. С. 179.
- ²² Там же. С. 155.
- ²³ Коммунист. 19 ноября 1919 г.
- ²⁴ Павловцев П.Л. Полвека назад: Воспоминания участника революционных событий. Вологда: Северо-Западное книжное изд-во, 1968. С. 181.
- ²⁵ Красильникова Е.И. Коммеморативный аспект октябрьских торжеств в западносибирских городах 1920-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. №3. С. 68-71.
- ²⁶ Череповецкий центр хранения документации. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 12.
- ²⁷ Там же. Л. 46.